

Народное дело

Распространение обществ трезвости

Н. А. Добролюбов. Собрание сочинений в трех томах.

Том второй. Статьи и рецензии 1859

М., "Художественная литература", 1987

Составление и примечания В. А. Викторовича и Г. В. Краснова

OCR Бычков М. Н.

Много раз приходилось нам слышать от людей, искренно желающих народного блага, выражение сожаления о том, что народ наш живет так разрозненно, так мало проникнут сознанием общих интересов. Не менее горькие сетования слышатся часто и о том, что масса простого народа отделена у нас китайскою стеною от образованных классов общества и вследствие того почти не может пользоваться благотворительными указаниями науки и литературы. И в самом деле, как много представляется пессимистами фактов и соображений, которые приводят к чрезвычайно мрачным заключениям о быте и характере народных масс и заставляют почти отчаяться в возможности их успехов на поприще нравственных и общественных интересов.

"Народонаселение наше,-- говорят пессимисты,-- раскинуто по бесконечной равнине и во всей Европейской России едва составляет 500 человек на квадратную милю, то есть в восемь и в десять раз меньше населенности всей остальной Европы. Средства сообщения между обитателями разных концов этого 4000-верстного протяжения чрезвычайно неудобны и затруднительны, а потребности и обычаи их слишком разнообразны. Суровый климат и неблагоприятная почва большей половины этого пространства требуют изнурительных и долгих трудов для того, чтобы человек мог безбедно удовлетворить всем своим естественным потребностям. А между тем труд и богатство распределены с гораздо большим неравенством, нежели в какой бы то ни было другой стране. Почти весь производительный труд приходится на долю простонародья, почти все выгоды его достаются образованным классам. На обязанности земледельца лежит не только забота о своем собственном прокормлении, но и содержание,-- да не просто содержание, а богатое, роскошное содержание,-- других классов общества. Когда тут думать ему о высших потребностях собственной натуры, когда хлопотать о средствах для улучшения своего собственного быта? Да если и успеет и захочет простолюдин позаботиться о своем нравственном и материальном усовершенствовании, то как он за это возьмется, если только он не мошенник, а честный человек? Вокруг него, перед ним и за ним, вверху и внизу -- везде затруднения и препятствия. Промышленность развита у нас мало, да и то составляет большую часть монополию капиталистов, у которых бедному простолюдину можно быть только батраком и поденщиком; денежный курс все меняется к невыгоде бедняка: дороговизна увеличивается год от году, вместе с роскошью тех классов, которые безотчетно бросают направо и налево не ими нажитые деньги. Куда ни поиди бедняк, что ни задумай приобрести себе,-- ни к чему приступу нет, и на всем он должен потерпеть страшный изъян. На какие же средства будет он улучшать свое нравственное и материальное положение? Откуда возьмет он досуг для приобретения образования? Откуда возьмется у него вкус к участию в общественных интересах? Он не знает, как ему справиться и с своими домашними нуждами, как удовлетворить физически-настоятельным потребностям. А тут говорят: общее дело! Да как же до него добраться, если бы кто и захотел? Когда и каким образом астраханский промышленник, казак из Ставрополя, горнозаводский работник из Перми, рыболов из Колы -- сойдутся хоть бы в Петербурге, в котором централизована вся государственная жизнь наша и который от каждого из этих людей отстоит с лишком на 2000 верст? А если и сойдутся, то как они станут рассуждать с людьми образованными и учеными? У них ведь нет никакой подготовки к занятию общественными интересами, да и быть не может при настоящем порядке вещей. Образованность составляет у нас такую же монополию, как и промышленность; и как наши фабрики заняты чуть не исключительно изготовлением предметов роскоши, так и наша литература хлопочет более всего об удовлетворении праздного воображения и казуистической любознательности. Нас занимают вопросы о вавилонской письменности¹, о слоге С. Т. Аксакова, о законах и терминах органической критики², о неизбежности идеализма в материализме³, о психологической неверности характера Калиновича⁴ и т. п. Мы нарочно создаем для себя задачи и ломаем